

5. Иванова, А.И. Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте: на материале журнальных статей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.И.Иванова. – Тверь, 2006.
6. Cheever, J. The Brigadier and the Golf Window / J.Cheever. – London, 1964.
7. Galsworthy, J. The Apple Tree / J.Galsworthy. – Moscow: Progress Publishing, 1977.
8. Henry, O. Selected Stories / O.Henry. – Moscow, 1977.
9. Копань, Л.И. Функционально-коммуникативный аспект повторной номинации в современном немецком языке: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Л.И. Копань. – Минск, 1986.
10. Wild, O. Sphinx / O.Wild [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oscarwildecollection.com>. – Дата доступа: 01.01.2009.
11. Wild, O. Selections from Oscar Wild in two volumes. Volume one / O.Wild. – Moscow, 1979

И.В.Сорокина

Гродно

РЕАЛИИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА МЕКСИКАНО-АМЕРИКАНЦЕВ (на материале литературы Чикано)

Художественный текст в знаковой форме отражает как универсальные свойства, вытекающие из сходства концептуальных картин мира разных народов, так и особенности этнопсихологии и менталитета определенного этноса, которые представлены через призму мировосприятия писателя как представителя данного этноса. В языковой картине мира, которая являет собой передаваемое знаковым способом мировосприятие народа, фиксируются важные для него фрагменты действительности. Художественная литература чикано (chicano), которая является объектом исследования в данной статье, дает богатый материал как для изучения социокультурных особенностей этой этнической группы, так и для обнаружения специфики ее языковой картины мира.

Чикано – это термин, который используется для идентификации представителей мексиканской по происхождению диаспоры, проживающих на пограничных с Мексикой территориях США. В испанском языке *chicano* означает людей как мужского, так и женского рода, *chicana* – только женского рода, *chicanos* – общий термин, используемый в англоязычном дискурсе. В настоящее время принадлежность к испаноязычной культуре и осознание того, что в их жилах течет кровь их древних предков – коренных жителей Америки, составляет предмет гордости представителей чикано. Например, жители Техаса именуют себя *Tej anos* [1, с. 203].

Писатели исследуют в своих произведениях формирование личности чикано, проблемы взаимодействия мексиканской и англо-американс-

кой культур. Взаимопроникновение наиболее активно протекает в сфере языка. В пограничных районах, которые именуются Мексамерика (MexAmerica) часто используется гибридный язык спэнглиш (Spanglish). В самом термине «Spanglish» нашел отражение факт скрещивания двух языков и культур. Например, торговец подержанными автомобилями помещает вывеску «Compro у vendo carros» («покупаю и продаю автомобили»). Слово «carros» представляет собой гибрид английского корня и испанской флексии. По такому же образцу построено слово goofu (от англ. goof) и carpeta (от англ. carpet). В целом, спэнглиш – это язык на основе испанского, который не только включает английские слова в свой лексикон, но и перенимает американский стиль речевого поведения и английские синтаксические конструкции.

Особенностью картины мира мексикано-американцев является обязательное присутствие в их лексиконе испанских слов, которые используются для обозначения присущих их образу жизни явлений, для создания особого этнокультурного колорита, для эмоциональной окраски речевых высказываний. В числе языковых средств, отвечающих за специфическую окраску языковой картины мира, находятся реалии. Реалия является важным средством раскрытия и «выведения на поверхность» через знаковые формы национально-культурной специфики, закодированной в тексте. Как лингвистическое явление реалия относится к безэквивалентной лексике и требует для своей интерпретации определенных фоновых знаний читателя. Исследованием данного лингвокультурологического явления занимались многие ученые, в том числе, Н.И.Паморозская [2]. Наиболее часто выделяются бытовые реалии (жилье, еда, мера веса, денег), этнографические реалии (традиции, обычаи), реалии мира природы, реалии государственно-административного устройства, ономастические реалии (топонимы, имена персонажей художественной литературы, фольклора, исторические факты и события).

Использование испанских слов, выступающих в функции реалий, служит одним из наиболее распространенных способов концептуализации ключевых понятий культуры чикано. В рассмотренных нами произведениях использовались следующие типы реалий: ономастические, географические, топографические, бытовые, этнокультурные, реалии животного и растительного мира. Проанализируем функционирование некоторых из испанских «вкраплений» в англоязычные в целом тексты писателей чикано. В процессе лингвокультурологического и литературоведческого анализа особенностей творчества писателей чикано мы исследовали следующие произведения: новеллы «Bless me, Ūtima» (Rudolfo A. Anaya), «The Iguana K.ller» (Alberto Alvaro Rios), «Growing» (Helena Maria Viramontes), автобиографическое эссе «How to tame a Wild Tongue» (Gloria Anzaldua), стихотворения «The roots» и ряд других (Alberto Alvaro Rios).

Среди ономастических реалий нами были выделены неадаптированные к нормам написания в английском языке топонимы, обращения к род-

ственникам (Ara) и чужим людям (Don, señor, señora), клички (Sapito) и имена, названия профессий (curandera). Примером топографической реалии может служить слово *malecon* (берег реки, служащий пристанью). Наиболее широко представлены бытовые реалии: *choza* (хижина, покрытая пальмовыми листьями), *calzones* (штаны) домашняя утварь: *cauuso* (лодка), *mecate* (веревка), *pinon torch* (фонарь), *marimba*, *tuba* (музыкальные инструменты), еда: *tortillas* (лепешки), *red chile* (жгучий перец), оружие: *machete* (нож), деньги – *centavo*. Реалии мира природы представлены словами, обозначающими животных и растения: *mango*, *cahuana* (черепаха), *iguana*.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что испанские слова чаще всего употребляются в контекстах и ситуациях, когда персонажей переполняют чувства и эмоции, а использование английских слов не создает должного эффекта. Среди общего количества испанских слов большой процент занимают инвективы – бранные слова, ругательства (*chinga tu madre*, *jodido*, *magana*, *baboso*), зоонимы для номинации людей с целью их оскорбления и унижения (*carbon*, *coyotes*).

Реалии непосредственно участвуют в концептуализации основных составляющих рассматриваемой культуры. Одним из важных факторов, влияющих на формирование картины мира чикано, является их религиозность и приверженность католицизму. В произведениях писателей часто упоминаются такие ономастические и этнографические реалии, как имена святых, Бога, названия религиозных праздников и обрядов. В одном из стихотворений Альберто Риоса приводится целый список имен католических святых: *Refugio*, *Margarito*, *Alvaro*, *Consuelo*, *Humberto*, *Olga*, *Celina*, *Gilberto*. Писатель скрупулезно описывает все особенности жизни своих собратьев в Мексике: » *In Mexico it was the dia de los Refugios*» (День святого Рефужио). При описании празднования Рождества в рассказе «*The Iguana Killer*» Риос отмечает следующие детали: «*candle smoke*», «*very solemn church masses*». Божественные имена часто используются как междометие, служащие для выражения эмоций: *Ay Dios!*, *¡le juro a Dios!*, *Madre de Dios*, *Ave Maria Purisima!* Семантическое наполнение концепта «божественное» обеспечивается также такими словами, как *Santo*, *Angel*. Эти лексические единицы являются мерилем положительных свойств для характеристики испаноязычного человека, который очень серьезно относится к вопросам вероисповедания и религии, так как бережное отношение ко всему святому закладывается у католиков еще в детстве. Таким образом, религиозные реалии раскрывают один из важных аспектов картины мира мексикано-американцев.

Приведем примеры реалий, обозначающих праздники, которые сопровождаются описанием этнических и фольклорных ритуалов. Риос описывает народный праздник под названием *Dios de los Reyes Magos* – «День мудрых королей», когда друзьям дарят подарки. За реалией *Verbenas* стоит ритуал, который так описывается автором: «... *the girls, young and old would come in and walk around the park in one direction and the boys would walk the opposite way...*». В целом, представители этнокультурной диаспо-

ры чикано свято чтут свои традиции, о чем свидетельствуют следующие фразы из рассказа Р. Анайи «Bless me, Ultima!»: «It is legal in our custom», «we must all abide by the trial», «a law by custom».

Особое географическое положение заставляет жителей пограничья, принадлежащих одновременно к двум культурам, высоко ценить наличие хотя бы собственного дома и участка земли. Дом (casa) становится единственным и самым надежным оплотом и крепостью. Об этом отношении к своей и чужой собственности можно судить по упомянутому выше рассказу Р. Анайи. Переход границы чужого владения квалифицируется как моральное преступление и нарушение закона сообщества:

«You have already violated this man's land», – упрекает один из персонажей новеллы пьяных крестьян, которые требуют выдать им для расправы женщину, обвиняемую в колдовстве. При этом участники самосуда не решаются ворваться в дом хозяина, укрывающего женщину, так как уважают закон о неприкосновенности чужого жилища. Хозяин дома также знает свои права: «You walk on my land! That is my business!» «He was on his land and as such would not be shamed in front of his sons».

Набожность мексикано-американцев гармонично сосуществует с суеверностью и предрассудками. В новелле Р. Анайи рассказывается о традиции использовать освященные иглы, соединенные в форме креста, для определения, связана ли женщина с нечистой силой. Для номинации понятия «ведьма» наряду с английским словом witch используется испанское bruja, что придает ему статус реалии. Использование испанского слова свидетельствует о важности и особом отношении к этой проблеме в католической мексиканской культуре. Так описывает один из персонажей рассказа ритуал опознания ведьмы:

«Take the holy needles and pin them to the door. Put them in so they are crossed – and in the name of God!» he roared, «you all know that a witch cannot walk through a door so marked by the sign of Christ!»

Перед проведением ритуала непрошенные гости в страхе призывают Бога в свидетели (We call God as our witness) и ведут себя, как послушные прихожане (All the men made the sign of the cross and murmured a prayer). Объектом ночного рейда стала женщина-целительница, для номинации статуса которой используется этническая реалия curandera. Процесс «охоты на ведьму» поверг людей в состояние шока и священного трепета. Эмоциональное восприятие происходящего его участниками номинируется с помощью испанского слова Mira! (чудо).

Национальный колорит создается также путем использования таких ономастических единиц-реалий, как имена собственные и географические названия. Тема пограничья, которое не является ни Мексикой, ни Америкой, раскрывается писателями чикано через географические реалии, что наглядно проиллюстрировал А. Риос в стихотворении «Мои корни»:

*I was born in Nogales, Arizona,
On the border between
Mexico and the United States.*

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют тот факт, что изучение реалий и культурных концептов делает доступной для наблюдения картину мира, присущую испаноязычному населению США.

Список литературы

1. Garreau, Joel. The Nine Nations of North America / Joel Garreau. – New York, 1981.
2. Паморозская, Н.И. Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения / Н.И.Паморозская. – Тверь: ТГУ, 1990.

И.В.Банах

Гродно

АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Согласно концепции М.М.Бахтина, категория жанра представляет собой диалогическое по своей природе высказывание, направленное на воспринимающего субъекта и на конкретные условия исполнения и восприятия: как и любой риторический конструкт, жанр «определяется предметом, целью и ситуацией высказывания... Кто говорит и кому говорят» [1, с. 357-358]. В таком понимании жанр предстает в качестве художественно закрепленного акта коммуникации – «выражения и продукта социального взаимодействия трех: говорящего (автора), слушающего (читателя) и того, о ком (или о чем) говорят (героя)» [2, с. 83]. И то, каким в тексте предстает жанровый образ читателя (как абстрактного, так и фиктивного), и то, какие формы внутритекстового диалога с ним избираются повествователем, – все эти коммуникативные показатели, во-первых, отражают жанровое представление о социальной структуре мира, а во-вторых, на внетекстовом уровне формируют определенный круг читательской аудитории и обуславливают ту или иную традицию восприятия текста, что в конечном итоге влияет на условия функционирования жанра в историко-литературном процессе, т.е. предопределяет характер эстетической коммуникации за пределами текста.

Этот тезис прекрасно иллюстрируется на примере литературного путешествия – одного из наиболее авторитетных жанров конца XVIII – начала XIX веков. Именно этот жанр в переходную для русской литературы эпоху стал средоточием активных жанрообразовательных процессов, связанных с поиском новых повествовательных стратегий и новых форм коммуникации автора и читателя.

Результатом указанных жанровых поисков стало формирование к концу XVIII в. в русской и западноевропейской литературе двух нарративных моделей путешествия: *документально-просветительской*, ори-